

бование законов войны, – христианская армия, составленная из соединенных сил заморского рыцарства, напала за два дня до праздника св. Луки Евангелиста (16 октября) на хорезмийцев, которые предвидели такое нападение и изготовились к битве; в этом деле, начатом при таких неблагоприятных обстоятельствах, едва несколько человек со стороны христиан успели спастись от смерти или плена. Другие, по весьма небольшому числу, освободились после и бежали; при том это были люди, которых отвага не увлекла в самый центр боя, где с треском ломалось оружие и сыпались удары. Из всех баронов Св. земли, из всего рыцарства Иерусалимского королевства, из целого монастыря ордена храмовников, выславших 300 братьев, из 200 иоаннитов и из всего немецкого ордена св. Марии – о бедствие! – не спасся никто, кроме патриарха, барона Монфорта, знаменосца королевства, начальствовавшего передовым отрядом, четырех рыцарей и небольшого числа прислуги тамплиеров, 19 иоаннитов и только трех оруженосцев тевтонских братьев. Вот вес, кто возвратился, и то благодаря счастью или бегству. Именитые люди, как епископ св. Георгия и владетель Капфы, легли на поле битвы под смертоносными ударами. Галтерий, граф Иоппе, был смертельно ранен. Архиепископ Тирский, переживший свои раны, был заключен в темницу. Все это я узнал из писем, которые дошли до меня из монастыря немецкого ордена св. Марии. Такое плачевное событие должно возбудить тем большую печаль и огорчение в наших сердцах и в сердцах всех христианских князей, и пролить потоки слез, потому что этому поражению предшествовали ошибки, а беспечность последовала за ним. Действительно, духовный орден тамплиеров, гордыня которых питается изнеженностью туземных баронов Св. земли, предались самообольщению и своей безумной и вероломной войной заставили вавилонского султана обратиться с просьбой о помощи к хорезмийцам, несмотря на союз, заключенный нашим именем с султаном по согласию с монастырем и магистрами орденов иоаннитского и немецкого св. Марии; действуя таким образом, тамплиеры могут

быть обвинены не только в очевидном промахе, который можно сделать по простоте ума, ибо они, ожидая найти постоянство в изменчивости варваров и верность в вероломстве, призвали к себе на помощь против вавилонского султана и хорезмийцев султана Дамаска и Крака, противных ему и по религиозному различию, и по намерениям; неужели для погашения пожара нужно лить масло? Кроме того, тамплиеры были до унижения снисходительны к тем двум султанам, как нас уверили в том некоторые из духовных, а именно: те султаны и их люди были ими приняты с торжеством в самом монастыре ордена тамплиеров и совершали свои предосудительные обряды и мирские празднества, призывая имя Магомета. Между тем они никаким образом не могли совершенно уничтожить в себе привязанность к своим единоверцам и застенчивую пепавиость к нам одним обещанием союза с нами, и последствия скоро доказали, что султаны были более врагами, чем союзниками. Действительно, за исключением султана Шамеля, убежавшего с поля сражения с 5 человекскими, которого султан Дамаска послал на помощь против вавилонского султана и который не надеялся быть хорошо принятым со стороны последнего, все другие до султана Крака, показав вид, что они намерены принять участие в битве, перешли на другую сторону, к которой и прежде были расположены сердцем, и не участвовали в битве, даже не обнаружили подобного намерения. Ко всему этому, крайняя беспечность – последнее несчастье, когда дело идет о спасении, – довершила нашу опасность и грозила окончательным разорением. Нам, как людям православным, тяжело писать без огорчения, что главы православия вовсе не думают о мерах к исправлению такого печального зла и не сетуют, подобно нашим предкам, о столь горестных событиях; но что еще хуже, мы не обращаем вовсе внимания на свои раны и не торопимся уврачевать их, как будто бы дело идет не о христианах и не о христианской вере. Господь поразил нас, а мы и не горюем; со всех сторон горят кровли наших домов, а мы и не спешим за водой; напротив, каждый радуется бедствиям другого.